

Иногда ночами снится
и покоя не дает,
будто молодости птица
перелетная поет.
Было времечко вначале,
было дело, да прошло —
поперек былой печали
много водки утекло.
Годы в памяти маячат
и дорога далека,
по которой птицы плачут
и кочуют облака.

ВОРОБЫШЕК

Жена заплачет,
ангел отвернется
и за душой не будет ни копья,
когда на сердце, будто встрепенется
простая птица, вроде воробья.
Она свободно
крылышки расправит
и медики руками разведут,
а кто-нибудь из космоса представит
земную жизнь за несколько минут.

Душа бывает
 праведной и грешной,
 но всякий раз у жизни на краю
 чирикает воробышек сердешный
 бесхитростную песенку свою.

* * *

До чего симпатично,
 когда вечерами,
 на неравные части пространство деля,
 в тишине облака проплывают над нами
 в те края, где становится пухом земля.
 То ли нас по инерции оберегают,
 то ли попросту мы никому не нужны —
 только звезды вокруг близоруко мигают,
 освещаая пространство
 с другой стороны.

* * *

У возраста странная мера:
 по памяти время храня,
 я, может быть, старше Гомера,
 но Лермонтов старше меня.

Наверное, скоро наука
 откроет великий закон,
 и дед, опекающий внука,
 узнает, что внук — это он.
 И, все повторяя сначала,
 выходишь из мрака на свет,
 а женщина ждет у причала,
 наверное, тысячу лет.

Законы любви и природы
 всегда утверждают одно:
 какие бы ни были годы,
 любимым стареть не дано.

ВРЕМЯ СКАЗОК

За твою торопливую ласку
 в этой жизни военно-мирской,
 хочешь, я расскажу тебе сказку
 про любовь и про вечный покой?
 Время сказок —
 обычное дело;
 но расстанемся мы поутру,
 потому что свеча догорела.
 А потом я возьму и умру.

Даже то, что пожизненно мучит
отголосками сказочных снов,
ничему человека не учит,
кроме необязательных слов.

* * *

Небеса населены богами,
а внизу — по контуру земли —
бегают короткими ногами
бедные, как люди, муравьи.
Обитая прямо по соседству,
зная друг о друге без прикрас,
мы похожи, если приглядеться,
только боги разные у нас.
Говорят, мы созданы из глины,
остальное не про нашу честь,
но в моей повадке муравьиной
что-то человеческое есть.
И пока мы делим крошки хлеба,
принимая их за божий дар,
в апогее солнечного неба
боги дегустируют нектар.

В ЛЕСУ

В лесу, где кроны шелестели
Желто-фиолевой листвою
и птицы сказочные пели
над непутевой головой,
подумалось о том, что лето
вернется только через год
и песня молодости спета
по мере наших непогод.

У птицы пестрая окраска,
в лесу не холодно пока,
но сказка потому и сказка,
что кончится наверняка.

* * *

Все мы понемножечку волхвы —
удивляться этому не надо:
шелест облетающей листвы
слышен накануне листопада.
Человеку загодя дана
слуховая чуткая мембрана
и, когда на кухне тишина,
только время капает из крана.

Угадаю ли наверняка
роковую дату невозврата,
слушая, какие облака
пролетают в сторону заката?

СТРЕКОЗА

Как будто звезда Голливуда
тебе заглянула в глаза —
чешуйчатокрылое чудо,
танцующая стрекоза.
Откуда на русской равнине,
где судьбы летят под откос,
берутся такие богини
с фасеточным взглядом стрекоз?
Она заглянула случайно
в таинственные времена,
где жизнь коротка и печальна,
когда улетает она.

* * *

У птицы
душа нараспашку,
поэтому птица летает;
а женщина курит взятяжку,
вздыхает и слезы глотает.
Ну, что за морока, ей богу:
живая душа нелюдима,
а горькая плоть понемногу
уходит колечками дыма.
Какую печаль поминает,
какую надежду лелеет? —
а птица
поет и не знает,
что женщина
так не умеет.